

*М. Е. Горбачев -
(Ростовский)*

ПУТЯИ К ЦИТОТУ

*роман без отрыва от пьесы
"ПОД ТЕНЬЮ МЕЧЕЙ,,,"*

М. Горбачев-(Ростовский)

**Пути к итогу. Роман без отрыва
от пьесы «Под тенью мечей...»**

«Издательские решения»

Горбачев-(Ростовский) М.

Пути к итогу. Роман без отрыва от пьесы «Под тенью мечей...» /
М. Горбачев-(Ростовский) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839195-8

Середина девяностых... Великая страна обрушена в хаос, где играют игры без правил, правит бал беззаконие, день вчерашний заляпан грязью, а завтрашний — в безнадежном мраке. Жизнь — олицетворенный дурдом, в котором приходится выживать. И у каждого свои пути между прошлым и будущим. И метания душевные в «пограничных состояниях», и неумиряющее творчество, как путь к Человеку. И самопознание себя в вихре веков, этом калейдоскопе повторений, именуемом историей... Или все же психиатрия?.. Жизнь покажет...

ISBN 978-5-44-839195-8

© Горбачев-(Ростовский) М.
© Издательские решения

Содержание

ПУТИ К ИТОГУ	6
ПРОЛОГ	7
I	20
Почему бы человеку и не высказаться, если знание такое есть	26
II	36
Сколько бы ни осталось	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пути к итогу
Роман без отрыва от пьесы
«Под тенью мечей...»

М. Горбачев-(Ростовский)

© М. Горбачев-(Ростовский), 2017

ISBN 978-5-4483-9195-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТИ К ИТОГУ

роман без отрыва от пьесы «ПОД ТЕНЬЮ МЕЧЕЙ...»

*Иногда бывает полезным: заблаговременно
отпраздновать с близкими собственные поминки,
и жить потом долго и счастливо
всем на удивление...
(из потока сознания)*

*«Есть сто путей – у каждого – к итогу,
И выбор остается за тобой...
Во мраке ли стоишь?
Иль ближе к Богу?...-
Тебе решать...»*

ПРОЛОГ

«Свет умер в зале...» Какая емкая евтушенковская фраза! «Свет умер...» Постепенно... Незаметно... Как угасает уходящее в последний путь сознание...

Эти две строки перекатывались в голове слишком долго и стали, в конце концов, кажется, неотъемлемой частью этой самой головы, отвыкшей с годами от непосредственных мгновенных реакций на любые раздражители. А жаль. Чрезмерная обдуманность всегда порождает неестественность в выражениях и утомительную вычурность повествования.

Трудно... Трудно вырывать из сна рассудок и рождать слово... Трудно, но пора.

Пора обуздать свои страхи и начать то, что должен. Должен не смотря ни на что. Даже зная, что по завершении трудов, неизбежно завершится жизнь. Твоя жизнь.

И все же – пора! Пока глаза мои видят свет, пока руки мои способны переносить на бумагу слова, вмещающие мысли, чувства, жизни – все то, что было с тобой и тобой в течение многих лет. Чтобы не оболгали, не оплевали огульно то время, которое было выделено тебе и твоему поколению на невеликом отрезке, называемом человеческой историей.

Спасибо тебе, Жизнь, за то, что ты была! Когда отгуляешь на своих поминках, лишь тогда можешь, блаженно вытянувшись, осознать, что она-то, жизнь, в целом удалась, и грех роптать на судьбу, выдвигая неосновательные претензии. Кому их предъявлять, как не самому себе? «Дорогу осилит идущий...». И если нерешительно топтался на месте или, по своему неразумию, вышагивал строем не в том направлении, то лучше бы помалкивал в тряпочку, и не позорился, списывая общую «кривизну рожи» на кривизну дороги. (Грешно рассматривать «беды рассейские» в отрыве друг от друга)...

Да, человек – существо социума. Но это не означает, что он стадно безлик. Личность его, принадлежащая множественности, отъединена деяниями в Нечто, которое в свое время будет призвано на великое Предстояние. И тогда, как и в момент пришествия в мир, кто избавит душу человеческую от чувства бесконечного одиночества её?!..

Во, загнул!..

Впрочем, о чем это я?..

О чем?..

О ком?..

О белом свете...

«Свет умер в зале...»

.....

«Свет умер в зале...» Какая емкая евтушенковская фраза!

«Свет умер...» Постепенно... Незаметно... Как угасает уходящее в последний путь сознание. Или не в последний?.. Свет... умер... В зале... В зале!!!

Да, зрители уже расселись по своим местам, и сгустившаяся тьма заглушила последние перешептывания и восклицания, приведя всех в настроенное ожидание. Сейчас... Сейчас начнется действие. Сейчас мы станем сопричастны неведомому миру, распахнутому перед нами бездонный проем сцены, угадываемый во мраке бесконечной Вселенной. И через этот мрак мы все летим, летим, летим вслед за узким лучом прожектора, вспыхнувшего где-то вверху за нашими спинами и впившегося в лицо окровавленного человека на сцене. Свет его безжалостно хлещет по глазам, выжимая из них слезы, туманящие очертания мира. Совсем не различить даже лица сидящих перед тобою на первых рядах. Язык тщетно пробегает несколько раз по запекшимся губам...

Господи, кто я, где я?.. Зритель в зале? Актер на сцене?.. Или все это вместе неизвестно где, во мраке, вне времени...

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»...

И он не дает тьме поглотить человека, бросить его в никуда. Он удерживает его перед глазами зрителя. Его, такого одинокого перед лицом Смерти, мягко и неслышно приготовляющей последнее ложе и не сразу попадающей в поле зрения...

Человек:

– Эй, кто-нибудь!..

Весь мир окутал мрак.

Лишь луч – сквозь мглу,

как лезвие

стилета, —

Пронзив глаза, безжалостно разит

Мой мозг. И ничего за ним не вижу...

Но где я?..

Что со мной?..

Звенит в ушах,

Повиноваться не желает тело...

Я связан по рукам и по ногам?!

Смешно сказать... Неужто я попался?!..

Но я был не один!..

Эй, кто-нибудь!..

Нет ни души. Нет ни врага, ни друга.

Попробуем избавиться от пут —

Мне слишком дорога моя свобода

Чтобы так просто сдаться...

Погоди,

Веревки нет!..

Откуда столько крови?!..

И этот холод...

Неужели смерть?!..

Как глупо!..

Нет, не может быть! Не время!..

Эй, кто-нибудь!..

Смерть:

– Закрой глаза. Усни.

Зачем терзать себя желаньем жизни

Бессмысленной?..

Я – рядом. Я – твой смысл:

Уйти в забвенье среди тысяч прочих

И раствориться в этой пустоте,

Не жаждать, не страдать душой и телом...

Ты только в смерти обретешь себя.

Закрой глаза... И ни о чем не думай.

Я всё устрою...

Человек:

– Убирайся прочь!

**Наверно, ты в потемках обозналась.
Мне предстоит ещё немало дел,
Чтоб выполнить своё предназначенье
На свете этом.**

Смерть:

**– Милый, не смей,
Не завьшай свою самооценку.
Кого ты хочешь этим обмануть?
Ничтожный вор останется лишь воров,
Какой бы век не предоставь ему.
Расслабься... Дай тебя я поцелую...
Никто не молвит слово за тебя.
Поверь мне, здесь ты никому не нужен.
(Ведь ты не Бог, не царь и не герой).**

Человек:

**– Всегда доступна помощь человеку;
Мы Божьей помощью окружены —
Лишь распознай.**

Смерть:

**– И что о ней ты знаешь,
О помощи?.. Когда просящих – тьмы,
И их желанья противоречивы,
Уж больно хлопотно во всё вникать.
Здесь, в пустоте, хоть сотни лет кричи вы,
Будить могли бы тщетно Бога мы.**

Человек:

– Ты и Его похоронить бы рада!

Смерть:

**– Безмолвие склоняет всех ко сну...
А чтоб помочь, сперва услышать надо...
Нет, не тревожь напрасно тишину.
Прислушайся к покою вечной ночи,
Рассыпавшей в высокой синеве
Бессчетных звезд алмазное сиянье...
Истома от любовного свиданья...
И ни единой мысли в голове...**

Человек:

**– Но как понять мне, что такое ночь,
Когда душа не будет знать рассвета?**

Смерть:

**– Нет в знанье счастья. Суета всё это.
Молчи. Усни... Лишь я могу помочь.**

...

...Нет – нет, Смерть не коснулась Человека, хоть и была совсем рядом. Просто померк свет, следящий за ними, и плотная тьма отделила их от посторонних взглядов и странной чехарды видений, заматававшихся по сцене.

В разноцветных пятнах-окнах, проявляющихся то там, то здесь, поплыли калейдоскопом лица. Трудно сразу определить, герои какого времени перед тобой. И дело даже не в странности их костюмов с явно восточными оттенками, которые, кажется, практически не менялись сотнями лет, не поддаваясь влиянию европейской цивилизации. В конце концов, что для истории какая-нибудь там тысяча лет! А мы, жители рубежа тысячелетий, не близнецы ли братья жителей предшествующего рубежа? И это позволяет нам разглядеть в «персонажах оттуда» Летописца, Поэта, Звездочета, ведущих премудрые беседы. Почти как сегодня на каком «Круглом столе» или очередной «говорильне-шоу», где лица меняют друг друга в поле зрения по мере передачи права голоса. И соединяются они лишь в общем плане при совместном перебивающем диалоге или в хоровой «осанне» высшим силам (безразлично, Божественным ли, властным ли)...

И чехарда голосов терзает мозг, не позволяя расслабиться и всецело погрузиться в содержание речи. Звучание их, то резкое и отрывистое, то плавное баюкающее, огранено непредсказуемыми модуляциями и сплетается в диковинной мелодике. И ты погружен в некий обволакивающий галлюцинаторий, из которого потом, вдохновенный мозг вылепит то, что смогут назвать рок-оперой (или «зонг-оперой»? всегда путался в определениях.) И не разберешь, по какую сторону черты жизни-смерти находишься ты, по какую сторону – сцена.

«Весь мир – театр, и люди в нем – актеры...» – Спасибо мудрому классику – объяснил...

Летописец:

**Великая империя погибла,
Сгорев в огне междоусобных войн.
Удел печальный – жить на пепелище,
Когда кругом разор и нищета,
А из законов – только право силы.
Чтоб промотать отцовское наследство,
Не нужно ни умений, ни ума —
Одно желанье брать, тащить и тратить...**

Поэт :

**И целый мир зиял бы пустотой,
Когда б Творец оставил созиданье.**

Звездочет:

Нелёгкий труд – идти путём Творца.

Летописец:

**Нелёгкий труд – искать свободы в мире,
Наполненном желаньями рабов.
Зависеть от чужого произвола —
Совсем не то, что следовать Судьбе,
Начертанной по веденью Аллаха.**

Звездочет:

**Купившие за будущую жизнь
Ближайшую – им помощи не будет,
И наказание не облегчат.**

Поэт:

Слепцы не видят ясные знаменья.

Звездочет:

Но небеса уже полны угроз.

Летописец:

**Да, чуть не каждый год —
затмения Солнца.**

Поэт:

А что теперь планеты говорят?

Звездочет:

**Муштари и Меррих соединились
В созвездье Михр.**

Решающий момент:

В какую сторону качнутся чаши?

Ведь темперамент у обеих звезд

Горяч и влажен, он подобен крови.

Летописец:

Какие жилы напоит она,

Какую жизнь: во вред или во благо?..

Поэт:

Пылающим мечом взрезая небо,

В сиянии несётся Аль-Кайсар.

И звёзды меркнут и дрожат от страха —

Неведом им стремительный полёт...

Звездочет:

Неведомо им упоенье битвой.

Грядет стихия Воздуха. Боюсь,

Его дыханье будет слишком жарким.

И не селенья – целые народы

Стереть с Земли способен черный вихрь...

Летописец:

Бывало так во времена Чингиса.

Боюсь, не устоит Мавераннахр,

Раздробленный на жалкие кусочки

По своеволю алчному людей.

Им, охмелевшим в упоенье властью,

Не устоять, когда придет беда.

Поэт:

**Они не станут рисковать напрасно —
Уж больно шкура дорога...
Опасно? —
Прихватят, кто что сможет, и – в бега.**

Летописец:

Во имя милосердного Аллаха!..

Звездочет:

**Хвала – Аллаху,
Господу миров
Кто милосерд и милостив,
в день Судный
Царю!**

Летописец:

**Мы поклоняемся Тебе
И просим помощи! Прямой стезёю
Веди нас по дороге тех, кого
Облагодетельствовал Ты, – не прочих,
Которые находятся под гневом,
И не заблудших...**

...Очень, очень знакомые лица. Где встречал я их прежде? Или не прежде? Может, в будущей жизни, а не в прошлой?.. Когда? Что, когда? Какая, собственно, разница: когда?

Время меньше всего характеризует бытие физического мира. Этакая надуманная категория, призванная порвать бытийное единство и сделать всех чужими всему. Ах-ах, как замечательно, что сегодня совсем не то, что вчера. А завтра и вовсе будет – ух, не нам чета! Дудки!!! Человек – всегда человек. Уж сколько мудрых голов сознавали это, сколько прекрасных литераторов писало об этом для всех нас во все наши времена! А мы-то, с позиций отшибшей мозг гордыни, все полагаем поколения Ушедших Вперед какими-то отсталыми в том или ином смысле. Хотя логичней предположить бы наоборот: под гору катиться – существенно легче, чем на нее карабкаться. Человек же, он существо по-сволочному ленивое, предпочтет, без экстремального побуждения, скорее оскотиниться и деградировать, теша себя иллюзорным превосходством над пращурами. Да вплоть до обезьяны! Уж как не сказать ей, посаженной в клетку или распираемой и разбираемой на составные части разумными исследователями из «старших братьев»: «Как же тебя угораздило сбиться с верного пути эволюции?!» И почему не предположить, что имеешь дело ныне с продуктом какой-либо сексуальной революции четвертой или седьмой пращивилизации, притомившейся от самосовершенствования и предавшейся исключительно инстинктам?! И вот этот обволосатившийся «потомок-предок» теперь грустно вынужден мириться со всеми идиотизмами, предназначенными ему «по воле Божьей». Разве не так сказано: «сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле»? И к кому относить четвероруких братьев? «Еще не человек» или «уже не человек»?..

О чем я? О чем?.. Лица... Лица?.. Нет, не вижу. Не вижу! Господи!.. Господи!!!.. Ты ли это легкой прозрачной тенью являешься пред ослепшими глазами? Твое ли дыхание побуждает непослушное тело отзываться миру на неуверенные призывы к жизни.

Вот где-то у горизонта слышно говорливое течение ручья. Вот нечто полынное, на миг скользнув по ноздрям, протекло в межвременную вечность и зафиксировалось в генетической памяти человека. Вот теплый шепот матери над постелью твоей... И снова сон глотает сознание, выплескивая в сценическое действие... Сон – ко сну... «Блуждая между разумом и сном, который можно окрестить...» Не помню... Как там?.. Кто там?.. С кем он говорит?.. Расплывчатая тень. Иль зримый Голос?..

Я сплю...

Я вижу...

...

Тимур:

Слышу голоса?!

Или в висках биенье гулкой крови

Перешагнуть черту мне не дает?

Эй, кто-нибудь!.. Я знаю, что вы здесь.

Откройте лица! Протяните руку!..

Я должен встать...

Голос Учителя :

Ты осознал урок?..

Не сердцем, не умом —

лишь бранным телом

Ты преуспел в учении земном.

Вот, к праху – прах...

И что же остается?

Был или не был на Земле Тимур,

Не озаботит никого нисколько

И никогда.

Тимур:

Учитель! Где же Бог?

Не мог он наказанием подобным

Воздать за прегрешения мои!

Пусть оглядит весь мир!.. И чем я хуже

Любого из живущих?

Как и все,

Борюсь за хлеб, ем, пью,

влюбляюсь в женщин.

Как и любой, могу солгать, украсть...

Но не из-за порочности природы

И не всерьез. А так, по пустякам...

Могу убить... Но кто не убивает?!

Тут, знаешь, или ты, или – тебя.

Не я таким устроил человека...

Голос Учителя :

Ты – человек.

Не плох и не хорош.

Но где стоишь ты – или ближе к Богу,

Иль дальше от Него – решать тебе.
И слабости твои и заблужденья —
Несчастье, но не грех и не порок.
Лишь пред собой самими виноваты
В несчастьях люди, больше ни пред кем...
И глупо ждать сторонних состраданий!
Не хочешь быть несчастным – брось себя
И обратись к служению Аллаху.
Он озарит достойных изнутри
И даст в Себе защиту...

Тимур:

О, учитель!
Не вижу я лица – одну лишь тень...
Но тихий голос мудрого имама,
Который слышал я давным-давно,
Еще мальчишкой, проникает в сердце
И не дает умолкнуть навсегда.

Голос Учителя :

Мюрид, нет у Учителя лица,
Нет имени. Пути другого к Богу
Нет, кроме как чрез самого Его...
К сердцам рабов Своих настолько ровно
Приблизится Аллах, насколько Он
Сердца их видит близкими. Следи же
За тем, что близко сердцу твоему.

Тимур:

Да-да, я помню, были мы с отцом...
Тогда я получил благословенье
И призван к вере был. Сказали мне:
«Ты Божий гость, и, по гостеприимству,
Бог все исполнит. Только попроси...»
А я в смущенье не нашел желаний...
Вернуть бы вспять, да я давно не тот.
Но я просил бы утвержденья в вере...

Голос Учителя :

У Господа нет двойственности, в Нем
Нет разделения и нет различий.
Я, ты и Он – едины...

Тимур:

Если так,
То я – всего лишь пыль с Его мизинца!

Голос Учителя :

А мог бы быть вполне Его мечом...

**Не принижай себя – лишь помни место,
Что свыше предназначено тебе.
А в чистоте блюсти людей и веру —
Достойное служенье на Земле,
Соединяющее честь и силу.**

Тимур:

**– Сумею ли?.. Смотри: где я? где Бог?!
Да вправе ли я миссию такую
Себе присвоить?.. Не обучен я...**

Голос Учителя :

**– Решай, принять иль не принять служенье!..
Колеблешься...**

Тимур:

**Сомненья ни при чем.
Где нужен меч, там стану я мечом!
Или бичом, карающим пороки...
И, сколько буду жив, не отступлюсь.**

Голос Учителя :

**Молись Тому, Кто отмеряет сроки!
И я с тобою рядом помолюсь.
...Кто обретает зло, кто окружен
Грехом – обречены огню навечно...
А жизнь так коротка и скоротечна!..**

Тимур:

**Но кто предупрежден, – вооружен...
...**

...И снова никого. Как одинок этот мир!.. Как бесконечна Вселенная!.. Как бесконечно одиноко человеку!

В первых рядах кто-то громко хлюпнул носом. В другом углу чем-то нервно зашелестели. Порхнул раздраженный шепоток и скрылся за какой-то колонной. От левой кулисы вдруг потянуло густым душным пыльным запахом. Кого там носит среди царства многовековой мануфактуры и прочего тряпичного изобилия всех мастей? И ведь не задохнется же от пылищи!..

Острый прожекторный луч поблек, поиграл цветами и постепенно угас, растворившись в мягкой подсветке, текущей от рампы. Стали прорезаться очертания действительности, и уже можно различить даже лица первых рядов партера. Лица... Снова лица...

И к ним пред очи вываливается из пыльной кулисы нечто... Некто... Одним словом, какое-никакое действие преодолевает границы и выплескивается в зал, где встречаются Трое...

Опять Трое? Обличье – другое. Но, странное ощущение, что это одни и те же персонажи, от которых никуда не деться ни в какой сцене... Ни в жизни... Дежа вю...

1-й:

Подайте, люди добрые, калеке

**На пропитанье!
Я три дня не ел,
Как дикий зверь, скитаясь без приюта,
Гонимый жарким ветром, как песок.
Не откажите, дайте корку хлеба!..
...Хотя, конечно, лучше жирный плов...
...Не откажусь, пожалуй, и от мяса...
...А если кто стаканчик поднесет,
Тот мне заменит мать, отца и брата...
Сестру...
Жену...
Коня, вола, осла!..
...Э-эх, народ!..**

**2-й:
Подайте, бога ради,
Слепому и его поводырю!**

**3-й:
Добром прошу, подайте ветерану!**

**1-й:
Не откажите...**

**2-й:
Это еще кто?**

**3-й:
Чудак, попутал ты – здесь наше место!..**

**1-й:
Не наглость ли, что на моей земле
И мне же (!) запрещают заработать?!..**

**3-й:
Да ты – здоровый лоб! – иди пахать!**

**1-й:
Могу и вам я пожелать того же...**

**2-й:
Я вижу, он не хочет по добру...**

**1-й:
«Слепой» прозрел?.. Он видит!..**

**2-й:
Это чудо!..**

1-й:

**Пожертвуйте, в честь чуда, от щедрот,
И вам воздастся!..**

3-й:
Или *не* воздастся
(Смотря с какого бока подойти)...

1-й:
Подайте, люди добрые!..

3-й:
Подайте!..

2-й:
Хорош орать!.. Там, вроде, кто-то есть...

3-й:
Да тут покойник!..

2-й:
Надо делать ноги!

1-й:
Ты погляди, какие сапоги!
И, думаю, они мне будут в пору.

3-й:
Кто бросил тело тут, у трех дорог,
На корм зверью, на радость хищным птицам?..

2-й:
Кровищи-то... кровищи!..

3-й:
– Отойти,
Не засти свет!

1-й:
Ай, сапожки[»] – что надо!..

2-й:
В карманах погляди...

1-й:
– Да он живой!..
Едва хрипит, но сердце, слышу, бьется.

3-й:
Так что, помочь бедняге умереть?

**В два счета я хребет переломаю,
Коль надо... Или камнем по башке...**

2-й:

**Нет, погоди-ка!..
Много ль в том корысти,
Чтобы его отправить к праотцам?!..
Я думаю (тут видно по одежде),
Что за живого можно получить
Гораздо больше, чем отнять у трупа.**

3-й:

Ты это собираешься продать?

1-й:

**Ох, бросьте, не возитесь с доходягой!
Бог знает, кто он, как сюда попал
И почему отделан так жестоко...**

2-й:

Уж помолчал бы...

3-й:

**– Ведь нехорошо
Товарища бросать, когда он ранен!**

1-й:

Так то – в бою!..

2-й:

У нас вся жизнь – война.

3-й:

**И вечно призывают под знамена,
Суля победы да богатый куш
С добычи.**

1-й:

**Ну и где же все богатства,
Коли оставят падалью тебя
На поле боя, ран не перевяжут?!..**

3-й:

**И так бывает: гибнут все в бою,
И помощи ты можешь не дожидаться,
Пытаясь тщетно смерть перехитрить,
Надеясь на людское состраданье...**

2-й:

**А если выручат, то сам готов
Вознаградить спасителя сторицей.**

1-й:

Да-да-да-да...

2-й:

– Ну, ладно, помогай:

Мы – под руки...

а ты берись за ноги...

1-й:

А можно ведь и с родственников взять...

3-й:

Берись, сказали, и кончай трепаться!..

1-й:

Берусь, берусь...

А как же сапоги?!..

.....

I

Не открыть глаз... Крепкие руки тащат куда-то. Все сильнее стучит в висках, и жар охватывает голову. Где же свежесть вольной ночи с запахами трав? Где эта пронзительная тишина замершего зрительного зала? Где невесомое состояние между жизнью и смертью?

Или это как раз таки оно и есть? С наваливающимся постепенно грохотом звуков и хлещущим наотмашь ядовитым нашатырем... Ты придавлен некогда белым облупленным потолком, который крутится каруселью прямо перед глазами и норовит зацепить огромными шарообразными плафонами, в которых веками скапливалась опаленная глупая мошकारа. Веки тщетно стараются оградить глаза от блеска медицинских инструментов – кто-то бесцеремонный насильственно раздирает их и тычет в зрачки бессильным фонарным лучиком. Что он хочет разглядеть там, в их глубине? Куда ему до прожектора-пистолета!..

– Доктор, шприц готов.

– Подожди, Надя! Реакции нормализуются... – Круглое белесое лицо надвигается вплотную, глаза в глаза. – Не закрывать глаза!.. Открой глаза и смотри на меня!.. Так...

Вдох!.. Глубже!.. Как тебя зовут?.. Ты слышишь?.. Смотри сюда!.. Как тебя зовут?

Язык болтается во рту, как детская погремушка, громоздкий и бесполезный. Кислый привкус и ощущение омерзительной клейкости не позволяют сосредоточиться хоть на какой-либо мысли, кроме желания пить. Но горло, пискнув как-то невразумительно, постепенно обретает самоощущение и начинает с натугой выплевывать звуки.

– ...Мур... ть-ть... Тим... Мур-р...

– Как-как, еще раз...

– Ти- мур... – Нет, это не я... Ведь я – не он?.. В виске совершенно отвратительный грохот до присвиста в ушах. Но обхватить голову руками не удастся – они крепко прибинтованы вязками к кровати, что отмечаешь, скосив глаза и мало-помалу обретая способность к их фокусировке.

– Так, смотри, кто здесь, – тот же надоедливый голос оформляется в плоть и кровь лечащего врача. Он указывает на медсестру, и та приближает свое лицо в легких светлых кудряшках. Глаза внимательные и слегка испуганные. – Кто это?

– Как меня зовут? Помните? – у нее приятный голос, и от мягко округлой фигурки веет теплом. – Кто я?

– ...Валя?.. – как выдох, имя из юности, имя первой любви, явно не соответствующее зрелому возрастному тембру.

– Кто? – глаза врача опять надвигаются и слегка суживаются.

– На... дя... Надежда Михайловна?..

– Молодец! – ликование совершенно искреннее. – Слава Богу!.. Теперь свое имя?..

Количество глаз с испытующим выражением, кажется, многократно увеличилось. Но присутствие кого-то, кроме медперсонала, скорее угадывается на уровне даже не шестого, а какого-то двенадцатого чувства.

– Итак... твое... Ваше имя?

– Мурат!.. – Конечно, Мурат! Да, я вспомнил, как это звучит... Хотя чем-то похоже... – Я вспомнил, Станислав Георгиевич!

– Очень хорошо! Просто, очень хорошо, Мурат Георгиевич! – напряжение стекло с лица врача, и выражение его стало вдруг несколько старческим, устало-умудренным. – Вспомнили, «по-отеческий тезка»?

Да, да, был у нас такой разговор. На первый или на второй день, сейчас не скажу. Тогда, видимо отвлекая от более серьезных напряженных раздумий, доктор Моткульский перевел разговор к темам литературы и языкознания. И это разумно – устанавливать доверительные

отношения с пациентом «на его территории», отыскивая точки соприкосновения в его профессии, склонностях, интересах и увлечениях. И мы, где-то в течение четверти часа, старательно искали истину: какое краткое определение подходит для людей с одинаковыми отчествами, как у нас с доктором. В конце концов сошлись на «тезке по отчеству», не отрицая однако и варианта «по-отеческий тезка», предложенного мной развлечения ради.

– Что же это вы, драгоценный, нас пугнуть решили? Куда это надо было так глубоко нырнуть, чтобы выбираться обратно так долго?

– Как долго?

– Долго, долго... – пальцы врача никак не хотели справиться с тугими узлами на вязках, отсыревших от пота и ставших неподатливыми. Подключилась была сестра, но была отослана окрепшим голосом. – Еще глюкозу... Или, нет, давай сразу обильный завтрак. Подготовь там пока... А как переоденется, проводишь. Проследи, может нужна будет какая помощь.

Возвращающиеся постепенно ощущения жизни как-то малорадостны. От сырого холода по мышцам спины прокатывается знобящая судорога и, пронзив, застревает где-то внизу живота острым сосущим голодом. Задыхаясь, отфыркиваясь от неестественно густого аромата мочи (или это все тот же аммиак?) и прикладываясь просто чудовищные усилия, чтобы выкарабкаться из вороха чего-то, условно воспринимаемого постелью. И тут же под руки подхватывают двое, до этой поры пребывавшие в расплывчатом состоянии у дверного проема. Опять они! Вот они – те лица!..

– Да-да, пожалуйста, – адресуется врач. – Я сейчас подойду в палату... Впрочем, нет, чуть позже. На втором, у женщин глянуть надо. Где-то минут через сорок... Помогите переодеться и дождитесь Надежду Михайловну. Договорились, Морозко?..

Надеюсь, это он не мне? Не дурдом – сказка!.. И я, хочется верить, не до такой степени псих...

Палата. Два решетчатых окна по южной стене, одно – в северной – смотрит во внутренний дворик... Шесть кроватей, вразбивку с допотопными тумбочками, головами на запад; четыре – на восток – на некотором расстоянии от дверного проема без, собственно, двери, как и во всех остальных палатах. Потолок очень высокий, но ощущение придавленности им не покидает никогда и, временами, даже физически чувствуешь нехватку воздуха.

Сопровождающие доставили тело к кровати у окна, где на тумбочке угадывались знакомые кружка, полотенце и пенал из кожзама с туалетными принадлежностями. Остальное обнаружилось в емком пакете под кроватью у изголовья...

– Справишься? – иронично, но с добродушием, блеснул глазами сухощавый, слегка лысоватый субъект средних лет, помогая откинуться на прислоненную к кровати спинку подушку. Достав пакет с личными вещами, он деловито вытряхнул содержимое на застеленную грубым одеялом поверхность.

– Трудись, сейчас Надежда подойдет... – И отошел к своей тумбочке у противоположной стены.

Его молчаливый товарищ, лохматый крепыш с землистым лицом, еще с минуту посопел над душой, стараясь напоить холодным сладким чаем, покачал головой без определенных эмоций и отправился следом. Вытянув тело на всю длину койки, он запустил пальцы обеих рук в дебри буйной прически и заскреб ими сосредоточенно. При этом лицо его приняло умиротворенное с приблужью выражение, каковое можно иногда наблюдать у некоторых недалеких дурочек, любующихся перед зеркалом на свое отражение.

– О-о-ох! – выдохнул он с присвистом. – Да когда же до душа добратся-то получится?

– Всеу свое время, Морозко, – проворчал на соседней кровати некто третий в спортивном костюме и аккуратной стрижке, отодвигаясь с явным неудовольствием. – Ты, главное, до этого времени скальп постарайся не содрать. Или умудрился уже зверье развести в своих джунглях?

– И какое же это время «свое»? Кто-нибудь знает?

– Спроси Экклезиаста... – отмахнулся сосед.

– Кого?!.. Какого...аста?! – в голосе лохматого обозначилась подозрительность, а лицо пошло пятнами. – Вова, это он про кого так? Он с намеками, что ли?! Где он тут видел этих «лезбиястов»?

Но «спортивный костюм», отвернувшись, уже снова навис над журнальным кроссвордом и только бросил через плечо: «Читайте книги – источник знаний!»

– Хлебни чайку, Валера. Это полезней, чем собачиться с утра. Пан Станислав обещал душевую только после обеда – во вторую смену, после женщин. Так что расслабься... Вадик-то от мандража перед своей капельницей рычит. А тебе в день отдыха грех на кого-то обижаться, что он тут умного из себя корчит. Еще херами померяйтесь, красавцы! А приплюснуло бы кого натуральной придуриью, да повышибали бы ее из вас милосердцы —медики коматозной терапией!?!.. Как вон, писателю... Сейчас тоже, поди, смирененькие, тихонько бы оклемывались в ожидании жарчки, как манны небесной.

Похоже, когда-то и ему перепало нечто подобное, если описывает твоё состояние вот так, со знанием дела. Уж слишком медленно приходят в согласованность движения кажущегося закоченевшим тела и мозговые побуждения к этим физическим действиям.

Хотя уже, незаметно для себя, успел обтереться влажным полотенцем, переодеть белье и попасть руками в рукава футболки. А голод становится совершенно нестерпимым, закручивающим винтом голову в одну сторону, а желудок – в другую. Ноги ватно подламываются, и между лопаток чувствуется опять нечто липко-противное...

Жажда сна и еды, которая, вопреки ожидаемому врачами, не в состоянии полностью выдернуть тебя из гипогликемической бессознательности, – вот и все, что осталось от кипящей активностью натуры. Прав многомудрый Володя: чтобы добровольно пойти на подобные психиатрические экзерсисы, надо быть полным придурком. Если, конечно, ты не упивающийся гордыней шизоид, ощущающий себя вневременным отражением кого-то в Гефсиманском саду... Кажется, в таких случаях специалисты говорят о мании величия?..

– Мальчики, бегом завтракать!.. – деловитая Надежда пропархивает между кроватями. Одного треплет за плечо, другому с шутилой суровостью грозит пальцем, улыбается всем одновременно, но кажется, что персонально тебе. И какие-то зримые завихрения воздуха сопровождают ее перемещения по палате. Приоткрыла для проветривания окно, крутанув карманным ключиком в некоем секретном отверстии на раме, поправила мимоходом чью-то постель, смела в кулек какой-то мелкий мусор с тумбочки... И вот уже совсем рядом морщит смешно носик, изображая озабоченность твоей болезненной безрукостью, терпеливо помогает доодеться, приговаривая маловыразительные, но такие значимые слова, когда ими ободряют неумеху-ребенка, проявляющего первые успехи. И ты сам уже чувствуешь в себе титана, способного к подвигам покруче перебежки до столовой, и в движениях обретаешь осмысленную четкость, преодолевающую слабость и головокружение.

– Так, а что у нас с Грачевым? Никак не проснется? – медсестра приподнимает край одеяла, вздыбленного горбом на кровати у северной стены.

– Да уж двое суток без просыпу наш Брат Господень... Ему что, профессор выписал сонную индальгенцию, а, Надюша? И я бы на такой терапии тут срок отмотал в полное удовольствие. – Как-то посерьезнел голосом Володя.

– Нелегко, однако, путь мессианства и в просвещенный век, – с театральной иронией возгласил Вадим, бросив на тумбочку журналы и обувая белоснежные в новизне своей кроссовки. – А кто-то из единоверцев сейчас, образно говоря, сребреники пересчитывает...

– И пусть себе поспит человек, если его эта жизнь так пробрала, что видеть ее не хочется – бухнул с глухим возмущением Валера Морозко и первым покинул палату в направлении звякающих мисок.

– Эко, – хмыкнул Володя, – а ведь в корень смотрит, а?.. Двинули, что ли, и мы с богом...

И лишь Надежда еще ненадолго задержалась в палате, оценивая придирчиво порядок. Еще раз наклонилась, прислушиваясь к дыханию спящего...

– Да спи себе, чего уж... Потом навалятся с анализами и процедурами – не отобьешься...

И отправилась за санитаркой – лишний раз влажная уборка никогда не мешала...

Завтрак провалился в голодные недра, не оставив ни единого приятного воспоминания. Скользкий супчик с гордым названием «молочный» был абсолютно безвкусен, хотя, по словам санитарки Милы, и обладал сказочно целебными обволакивающими свойствами. «Шрапнель» с огрызком огурца и подсохшим селедочным бочком в других условиях осталась бы, несомненно, нетронутой. Но не сейчас... Слегка теплый напиток не подлежал опознанию...

Покидая столовую, можно было сразу же помечтать о передаче от родных, каковые поступали почти к каждому, но с разной периодичностью. Поэтому оставались еще скромные надежды на неформальный второй завтрак силами единопалатников, который, впрочем, мог быть ориентирован лишь в плоскости гурман-гастрономии, но никак не насыщения. Угоститься – совсем не означает объедать товарища... Тем более, что ты в палате новичок, лишь сегодня обустроенный на освободившееся место с койки проходного тамбура, с которым общаются практически все палаты отделения. То есть, с кем-то как-то ты уже знаком хотя бы и шапочно, но нужно еще определиться с правилами общежития в «чужом монастыре», соблюдение которых в здешних условиях может предопределить очень многое. Вплоть до безопасности существования, как показывает практика.

Каков бы ни был завтрак, а мозги потихоньку стали оживать. Стены перестали перебрасывать тебя друг другу, а потолок, прекратив безумное вращение, лишь покачивается в такт шагов. Мысли ясные, но, увы, не бодрые. Было бы очень неплохо найти способ преодоления этой гнусной клейкой полусонности, позволяющей, правда, тихо радоваться тому, что ты – не конченный «овощ», а вполне еще «сапиенс», хоть и подвергающий сомнению разумность бытия.

И далась тебе эта разумность в отрыве от контекста исторического процесса!.. Ищущий разумности да отстранится от исследуемого предмета, приподнимет себя за уши над ним, приближая, хоть на мизерную капельку, угол зрения своего к взгляду Создателя всего сущего. И лишь тогда, если дано тебе будет по вдохновению, отделить сможешь истинное от ложного и разумное от умствующего. А пока довольствуйся уж тем, что имеешь. И надейся, что законы диалектики тоже не от лукавого.

Пара привычных затяжек, завершающих акт приема пищи, ожидаемого облегчения не принесли и лишь дополнительно замутили ручеек мозговой деятельности. Впрочем, это вам не вольготно раскинуться в мягких креслах с трубочкой отборного табачку да рюмочкой истинного хереса, как преподносилось явно завиравшимися классиками. Курительная комната мужского отделения клиники совмещалась с общим санузлом «в четыре очка», где, собственно, народ и отводил душу в едином порыве в меру потребностей: от умывания с чисткой зубов над рассеявшейся от трещин раковины и до... В общем, до шатких хронически грязных унитазов с неистребимыми ржавыми пятнами вечности на челе, окаймленных осклизлым полупериметром писсуарного стока, подчеркнутого веселенькой зеленью неизвестного происхождения.

Но парадокс-то состоял в том, что на фоне общеизвестных густых ароматов с полным многообразием оттенков лишь здесь, возле треугольной дыры в матовом оконном стекле можно было глотнуть свежего воздуха от осеннего листопада, буйствующего на воле. Остальные окна, доступные болезному народу, не имели ничего форточкоподобного в конструкции

и были наглухо законопачены. Весьма оригинальный способ борьбы с курением вне специально отведенных мест... Впрочем, персонал курил по своим каморкам да кабинетам, нарушая правила пожаробезопасности в отсутствии средств тушения и не претендуя на место у «народной отдушины»...

– Слышь, писатель, кончай коптить! Тебя лечащий ищет, – объявился, теребя газету, Морозко. – Спички оставишь?.. Спасибочки...

Пора на очередное собеседование к «титану мозга». Нормальный он мужик, хоть и нудный из-за своей въедливости с многочисленными вопросами, которые не всегда успевает интонировать «с человеческим лицом», напоминая заунывной механистичностью голоса какой-то неизвестный прибор-детектор. Хотя, возможно, издержки профессии могут еще и не так себя проявлять.

– Ну, как вы, как вы, мсье Романофф? – у Моткульского выработался некий несерьезный, на первый взгляд, стиль общения: легкий, но без панибратства. – Откушали, сударь мой? Полегчало? Уж вы не пугайте нас так больше, дорогой. К чему эти «уходы в астрал», если потом проблемы с возвращением?

– Да уж вашими молитвами, доктор. Мои «астралы» без вашей химии не доставляли никому хлопот. Да и сейчас, честно говоря, я не слишком понимаю, чем мог уж так вас огорчить.

От палатных соседей порхнуло было неопределенное междометие, но тут же скомкалось в бульканье кипятильника и звяканье чайных кружек от короткого взгляда врача.

– Ах, у вас здесь чайная церемония намечается, я смотрю, – перевел он тут же разговор в другую плоскость. – Видимо, какое-то событие, Смирнов? – в голосе прозвучал интонационный нажим. Совсем легкий, но весьма заметный ввиду несвойственности для обычно безэмоциональной речи врача.

– Конечно, событие, Станислав Георгиевич, – извлек голову из тумбочки Володя. – Мне посылочку прислали с прекрасным чайком и сухариками. Вот организуем торжественный прием в наши ряды товарища литератора. Чтобы жилось всем нам тут дружно и светло под чутким наблюдением вашим и Александра Федоровича, под мудрым руководством Бухалевского и Котятко, но в нежных ручках Надюши-свет Воробьевой.

Окончание монолога – уже стоя практически навтыяжку, с кружкой у сердца. И любые сомнения в искренности разбились бы об этот монумент «Караульный у мавзолея», тем более что страсть к хорошему чаю, вечно дефицитному и редко неподдельному, была результатом длительного воспитания в советские годы. И во всех местах «ограниченного доступа» именно чай заменял и алкоголь, и трубку мира, и плечо для слез, да и...

– Что тут за фигня? – остолбеневший в дверях Валера лишь лихорадочно ощупывал мизансцену глазами. – Доктор, я не в курсе, в клинику спирт завезли, или это вы к народу с контрабандой? Пора, пора, пока полностью не извели нам, горемыкам, кровь на воду. Вон, на Вадика полюбуйте! – преувеличенный до трагизма жест в сторону лежащего под капельницей товарища. – Явился, морда – с рюкзак. Румяный, холеный, улыбочивый – прямо с плаката. Ну, не без синевы, правда. Это факт... А теперь гляньте: бледная спирохета под микроскопом...

– Я вот сейчас докапаюсь, по шее настучу, – пробурчал незлобиво Вадик. – Станислав Георгиевич, урезоньте придурка. Объясните как-нибудь (честно говоря, не представляю, как),

что алкоголизм – болезнь, черт возьми... И я тут лечусь, а не ваньку валяю, как некоторые... – тут он осекся и заерзал на койке, изображая суету с покрывалом и стараясь не пересечься ни с кем взглядом.

– Чаек настоялся – подваливай, народ, – жестом пригласил Володя. – Станислав Георгиевич, просим! У нас тут и кружечка свободная для вас есть. Некоторым чай не полезен – у них все равно жидкостный баланс по-иному регулируется. – И сделал ручкой Вадиму:

– Покойся с миром, добрый человек!.. Мы помянем тебя за нашей трапезой.

Врач с улыбкой покачал головой и, сменив выражение лица на нарочито озабоченное, зачем-то отошел к стойке капельницы. Оценив уровень ядовито-желтой жидкости в сосуде, и обозначив регулировку и без того идеальной частоты капель в системе, он как-то неуверенно извиняющимся тоном произнес:

– Вы как-нибудь поаккуратней с вашими чаями-кипятильниками, а? Нас всех тут так нагреют, когда «большие отцы» ваш вертеп в палате накроют. По графику, у них сегодня, правда, обход у буйных. Но вдруг да завернут, соскучившись... За приглашение, конечно, спасибо...

И уже от дверей:

– Перед обедом, Мурат Георгиевич, ко мне зайдите на пол часика. Я у себя буду...

И, в плане порядка, Смирнов, я на вас полагаюсь...

– А для Морозки ни пожеланий, ни слова доброго, – скроил печальную физиономию Валера. – Как пса шелудивого немывтого избегают. В ду-у-у-уш хочу-у-у-у!.. – взвыл он в сторону луноликого плафона.

– Ну, накрыло... Завязывай уже, вервольф хренов, не то пить уже будешь чуть тепленькие ссаки. Перед кем выделываться?!.. Подсаживайся, Мурат Георгиевич.

– Благодарю. Вот, возьмите к чаю.

– Конфетки? Отлично. О, и вафли!.. – Володя засуетился с кружками, освобождая место на тумбочке.

Нет, засуетился – неправильное слово. Так могло показаться лишь в первый момент. Но была это далеко не суета, а некое весьма ловкое манипулирование с обжигающими сосуздами, которые подносились каждому, как уважительный кубок редкого напитка – ценителю...

– Ну, мужики... – простонало со стороны Вадика.

– Лечись, лечись, болезный. Тебе еще с первым пузырьем минут пятнадцать. А там еще беленькая ждет вдогонку... Так что, глазки закрывай завидущие и не сопи в нашу сторону – чай студишь, – куражился Володя. – А мы пока тихонечко ваньку повалеваем, чтоб не беспокоить почтенного алкоголика.

– А может, удавим его подушкой, чтоб не страдал? – оживился Морозко.

– Нет, он не так умрет... – откуда-то сбоку глухо прозвучал голос из-под одеяла.

Немая сцена прямо по Гоголю: все повскакивали с открытыми ртами, и даже Вадик вскинулся с вытаращенными глазами, забыв про иглу капельницы.

– Ожил!..

– Слышь, ты чего это сказал? – Валера, обогнув кровати, склонился над суконным горбом и аккуратно приподнял уголок одеяла. На лице отразилось полное непонимание. – Спит, паразит... Э-эй!..

– Да оставь в покое человека. Или сам ни разу во сне не разговаривал?

– Нет, разговаривать-то – ладно. Но вот так!?!.. По теме, со знанием дела...

Придется поддержать разговор, но, не углубляясь слишком в предмет.

– Очень верно сказано: со знанием.

Почему бы человеку и не высказаться, если знание такое есть

В принципе, это нормальное свойство любого человека, поддерживающего себя в состоянии... одухотворенности, что ли. Скажем так... Наши медики возможно сказали бы об измененном состоянии сознания, если бы не присущая пока еще большинству материалистическая зашоренность. Тогда игнорируются и практики медитации, и практики камлания шаманизма. И все пифии и кассандры всех времен однозначно отметаются в область мифологии и художественной литературы. А наш сосед... становится нашим соседом.

Да, не слишком как-то получилось

– Стоп, стоп, стоп, писатель! – Валера еще раз изучающе поглядел в сопящее под одеялом безмятежное бородатое лицо, вернулся на свою койку и залпом опорожнил кружку безо всяких смакований. – Это какое же знание имеется в виду? Я ведь тоже, к примеру, знаю, что однажды отправлюсь на тот свет. Но, сколько не вывихивай мозги, угадать, когда же произойдет это знаменательное событие, не получается.

– Так, конечно, в отношении себя – вот это уж не каждому дано, а лишь избранным. Защитный буфер этакий не дает к информации подобраться, блокирует...

– Валера, отцепись от человека, – странная интонация промелькнула в голосе Володи Смирнова. – С тобой садиться чаевничать – себя не уважать. Только людей нервируешь.

– Да Бог с вами, – надо же защитить как-то любознательность человеческую. – Чем можно тут нервы-то потревожить. Вот когда знание-то о себе имеешь, да духом не крепок, вот тогда с человеком всякое начаться может.

– Да ну? – это уже со стороны Вадима. – Ты серьезно, писатель?

– Я серьезно, во-первых. Во-вторых, именовать меня писателем – много чести для неудачливого графомана. И, в-третьих, кто-то сейчас может хапнуть по вене воздушный пузырь. Так что лучше перекрой пока зажим, а я позову Надежду, чтоб склянки поменяла.

Чего меня понесло? Как в том анекдоте: «пить с нами – пил?! а поговорить?!». Кому нужны все эти пустые теоретизирования, верить которым можно лишь в переложениях Голливуда, а пытаться постичь и применить могут лишь добровольцы составить компанию в здешних стенах. Разве что, Стасик, лечащий, слушал с непередаваемой серьезностью и пониманием. Хотя, работа у него такая, и положение обяывает... Да, честно говоря, любой на его месте несколько бы посерьезнел, когда в какой-то момент упустил инициативу и позволил втянуть себя ведомым в сферы Диалог-Театра... Уж лучше бы не спрашивал о причинах подавленности и отрешенности. Но так уж случилось... Пламенная речь грянула...

...Да просто не интересуют меня эти «политические проститутки», как говаривал Владимир Ильич, оккупировавшие телевидение и всосавшиеся во власть. Не интересуют! Потому что я все знаю наперед! Знаю цену всех их предательств. Знаю, что сделают они со страной, с промышленностью, поднятой кровью наших предков. Знаю, во что обратят народ... Хотя у народа-то шанс еще есть. И не хочу, не желаю, чтобы меня против воли строили, приказывая идти грабить, воровать, убивать – предпринимать, одним словом, во имя светлого капиталистического будущего! Не это ли и есть тоталитаризм, которым клеймят ныне предшественников?!

Кто давал право какой-то кучке недоучек-рвачей подломать под себя доверчивых моих сограждан?!

Если сегодня какой-либо из оборотней клянет предшественников, выискивая в них признаки «оборотничества», избобличая их преступления, то лишь для того, чтобы отвлечь внимание масс от преступлений нынешних, старательно создавая омерзительный и устрашающий фон, на котором самим можно представляться белыми и пушистыми. Мифологический жупел раздувается с таким старанием, что дезориентированные граждане лишь торопливо крестятся на свое «светлое прошлое» и кидаются с отчаянием на поиски новых смыслов там, где их и быть-то для большинства не может, ибо смыслы-то кроились вдохновителями «новой русской революции» исключительно под себя, родимых, и успешно проводились в жизнь на принципе тотальных подкупов.

Вчерашние приспособленцы «шариковы», на теплых местах пересидевшие ужасы исторической мясорубки, перемоловшей всех равнодушных, теперь открещиваются всеми конечностями от некогда «выстраданных» партбилетов и со сладострастием топчут коммунистов (к которым, кстати, не имели никакого отношения по сути, но превосходили которых в те времена по иступленности речей на собраниях и в составлении всяческих подметных писем).

Настоящие коммунисты – это совсем не эти, берущие горлом и беспринципностью, а те, кто создавал и строил! Строил заводы, метро, электростанции и города. Те, кто жизни ради, действительно, первыми поднимались в атаку, бросались на амбразуру, жертвуя во имя товарищей жизнью...

А где же были во времена строительства и битв наши «шариковы»? О, они знали, где надо быть!.. Там, где обретаешь зависимых от тебя. Дальше – варианты.

Одно известно, с этих, зависимых, всегда можно взять в свою пользу. И брали все, что относят к материальным ценностям. Злато-серебро-антиквариат выменивалось у умирающих с голоду за кусок хлеба, к распределению которого так удачно оказался приставлен; отбиралось мзду за возможность переправить передачу подследственно-осужденному; принималось в благодарность от подчиненных за повышение по службе, да и просто, чтоб поедом не ел по случаю и без случая; у всех – у всех за возможность для них выжить (или просто – жить)...

Пробившись локтями, перегрызая сотни глоток, не брезгуя никакими методами и средствами, всплыли наверх (как все оно и всплывает). И вот, они уже бездарно (но «ответственно») руководят, по-шкурнически «контролируют», злобно преследуют всех, кто, хоть немного, лучше и чище. И безостановочно гребут, гребут и гребут под себя все и вся, наращивая аппетиты и амбиции. Сперва – потихоньку, полегоньку, чтобы не нарваться на донос «сотоварища – сотоварищам» с целью перераспределения между «сотоварищами» же нажитого. Да чтобы не засвечиваться ренегатством перед выжившими (пока...) истинными коммунистами. А с течением времени, когда последних таки изжили, выпинаться

перед «сотоварищами» и «наезжать» на них за общепринятые в кругу «шариковых» деяния стало как-то глупо. И пришлось «искать консенсус» и договариваться, как разделить вотчины для «княжения» и узаконить свою «частную социалистическую собственность».

Так вот и пришли мы к развалу Союза, в котором перевелись коммунисты по зову сердца и равнодушные, а восторжествовали чиновно-парт-бюрократические ренегаты мещанско-мелкобуржуазной окраски. И ныне имеем – то, что имеем. И они имеют нас.

И почему бы мне не сидеть здесь до конца дней моих, если при мне, зрячем, белое декретно объявляют черным и наоборот?! Я не желаю пролития ничьей крови и, действительно, становлюсь безумным, если меня вынуждают быть глупым мотыльком, бьющимся о стекло с предупреждениями о беде, которым никто не хочет верить...

Вот молодец! Дорвался до ушей? А кому, к чертям собачьим, красноречие-то твое здесь нужно? На площади, поди, слабо? Привыкли по кухням-то, в междусобойчиках?

Воистину, каким же надо обладать терпением, чтобы, не перебивая, выслушать такую «трибунную» речь да еще стараться отфильтровать смысл от возможного психоза. У доктора Моткульского это прекрасно получилось.

– Зря вы так, Мурат Георгиевич. Ей-богу, зря... Надо ли так нервничать, когда изменить ситуацию – не в ваших силах. Вот они где лежат, корни очень многих болезней! Только был бы толчок – и пошло-поехало: дистонийка, гипертонийка, всякие инсульты-ишемии...

Да не дай Бог! Беречь себя нужно! Давайте-ка давление померим...

– Да, тут согласен с вами полностью, подраспустился я. Но как раз из-за того, что приспособленец-то из меня неважнецкий. И лишь полным отстранением от реальности смог вернуть себе хоть какой-то вкус к жизни. Но не смогу, как еще вчера, рыдать на улице, подавая милостыню старушке – одно лицо с бабушкой моей. Не почернеет в глазах у меня, когда помещится наяву мать, распродающая на уличном морозе что-то из очень дорогого, семейного, с рыночной оценкой в три копейки. У меня, доктор, душу украли, так что у вас я тут не по профилю. Не может болеть то, чего нет. Какой из меня душевнобольной?!..

– Голубчик мой, но вы же и так знаете, что никто здесь вас таковым и не считает. Вы могли уже убедиться, что здесь встретишь людей самых разных. И, к тому же, профиль наш весьма широк, специалисты – самые лучшие в городе, цены весьма умеренные. А нервы и у здоровых требуют ухода и профилактики...

– О, это я очень хорошо усвоил еще на собеседовании у вашего начальника, Алексея Васильевича, кажется... Альтернативой моему пребыванию здесь могло быть лишь перемещение в Ковалевку, где условия обитания, по его же словам, несравненно хуже, и шансов на освобождение, то бишь, исцеление гораздо меньше... Увы, хорошенькую, видимо, характеристику выправила мне душевная барышня из ГПД. Перепроверять все – дело хлопотное и неинтересное. Шефу вашему, в частности. Ему проще доказать мне, что нормальных людей не существует в принципе! Что критерии нормальности размыты... И умудренным жизнью всегда лучше перестраховаться... Ах если бы можно было застраховаться навсегда и от всего!.. И ему тоже... Но, соглашусь, признать ненормальность всегда проще, чем разглядеть необыкновенность...

Вот так меня к вам и подкинули, Станислав Георгиевич. Не то, на излечение, не то, на поруки... У вас времени больше, да и человек вы ответственный, хоть и подневольный... Так, что там? Не выше ста пятидесяти на девяносто, надеюсь?

– Тьфу на вас, господин Романов, трижды. И с давлением вполне прилично, да и с мозгами...

– Но-но-но, доктор! Мозги давайте трогать не будем. И вообще меня сюда определили только с целью нормализации сна, который у меня, действительно – ни к черту. Вот и озаботило моих близких это дело в комплексе с состоянием лихорадочной эйфории, явно заметной, нервозности на грани срывов и замкнутой отрешенности от реалий жизни и бытовых проблем, в частности. Я ни в чем не ошибся? Как оно там в анамнезе?..

Добавьте туда же, пометочкой, чистосердечное признание: я это все за собой признаю.

Но ничего не могу с собой поделатъ, поскольку никто и ничто меня не может дергать и отвлекать от работы лишь в ночные часы. Тогда лишь я и дышу, и черпаю в творчестве силы, чтобы продолжать пребывание в этом мире. Не сдавайте только меня, пожалуйста, коллеге Першикову. Говорят, он крупный спец по суициду, и очень расстраивается, когда кто-либо отказывается признать за собой склонность к оному. А любое нежелание жить – это просто подарок судьбы, из которого можно выкачать тонны материала. А хронический недосып, сами понимаете, может и не такие эффекты давать.

Ай да Стасик! Головой кивает, слушает очень внимательно, сопереживающе, да пометочки черкает периодически. Для отчетности, видимо...

– Творчество – это прекрасно, Мурат Георгиевич. И что вытворяем-то? Над чем сидите ночами?

– Помилуй Бог, Станислав Георгиевич! Еще немного, и покатит наипрямейший плагиат от Булгакова! Зачем нам с вами тягаться с бессмертными произведениями? Имею в виду наш с вами диалог, как пародию... Впрочем, чего уж...

Долгое время тянулся у меня период подготовки, сбора материала, обдумывания-осмысления. И вот, только было пришло оно, озарение, когда стало предельно ясно: что, как, форма, строение... Ах, я не сказал, пьеска зрела во мне. Долго... В виде драматических картинок из азиатского средневековья, о Тамерлане... Тут, как раз и ЮНЕСКО решила ему вдруг год посвятить, и, признаюсь, на волне думал проскочить... Ан нет, тут вашего покорного слугу с настойчивой заботой стараются вернуть к жизни. То есть, к дневной жизни. Вырвав из коварных лап ночи, беспощадной мучительницы, не приносящей никакого дохода...

– Простите, весь сыр-бор ради года Тамерлана, я правильно понял?

– Вовсе нет. Когда сам Тамерлан заинтересовал меня впервые, речи ни о чем подобном не было.

– Тогда почему, собственно? Почему Тамерлан? Ведь Железный Тимур – это он же, не так ли? Чем он вас заинтересовал-то, кровавый и жестокий?

– Вот-вот... И кровавый, и жестокий, и такой разный, как оказалось... Но, сказать честно, началось и не с Тамерлана даже. А с Иосифа Виссарионовича...

– Очень интересно. И какая связь?

– Когда со всех сторон однозначно и беззастенчиво, со скрежетом зубов и слюной во все стороны, клеймят нелюбимыми исторические личности, невольно начинаешь задумываться о предмете. Почему на протяжении десятилетий люди чуть ли не молились на «идола», чтоб потом в один момент прозреть и посмотреть на ту же самую личность исключительно в черном цвете? Что такого неоднозначного в этих личностях, что и через столетия память о них не умирает. Пусть даже и трансформируется. И, наконец, отвергая посыл исключительной греховности человека, изначально не даешь простора представлению о любом человеке (именно – о любом; все люди – всего лишь люди), как кровожадном извращенном существе, бесконечно далеко от Бога...

– О, дорогой мой, очень трогательно с вашей стороны говорить о Боге с материалистом, да еще – с медиком, со скальпелем и микроскопом искавшим местоположение души человеческой и прочая...

– А я и не пытаюсь призывать вас к вере, доктор. Человек сам к этому приходит. Или не приходит... Или уходит от этого. Но – сам!..

– Конечно, конечно, Мурат Георгиевич. Никто не спорит. Вы, главное, не волнуйтесь так. Не забывайте поговорку, что все болезни... правильно, от нервов. Кроме тех, что от удовольствия...

– Зачем вы так?.. В таких вещах меня обмануть довольно сложно – в любых интонациях любых голосов фальшь всегда считывается. Не стоит со мной, как... Даже не знаю...

– Простите, не хотел обидеть. Только уточнить хотелось: у вас это, с голосами, как давно?

– Да столько, сколько пишу. Лет тридцать уж, наверно... Не сразу, правда, в такой степени – постепенно обострялось. Наверно, не совсем, как с музыкальным слухом (который либо есть, либо нет), но нечто подобное, хотя и поддающееся тренировке.

– И что говорят?

– Кто?

– Да голоса эти...

– Стоп, Станислав Георгиевич!.. Я, для работы, тоже что-то по психиатрии почитывал.

Эка вы, было, обрадовались... Бред... голоса... императивы... галлюцинации... Не надо этого, пожалуйста. Я – только проводник: я записываю подслушанное в необозримой вечности, и из этого сплетаются диалоги, выкристаллизовываются монологи и, весьма нечетко, к сожалению, зримые образы событийного ряда повествования. Сейчас не помню, но, кажется, и у Бахтина об этом есть... Вы, кстати, не знакомились с его «Психологией творчества»? Надо будет вам подкинуть как-то...

Тут-то разговор наш тогда и подзавял. Видимо, чего-то иного ожидал «пан Станислав» от встречи... А так, еще покружив по просторам необязательных тем (в том числе, и той, с «тезками по отчеству»), расстались, похоже, с обоюдным ощущением какой-то неловкости. Впрочем, не важно...

Сегодня никак не хотелось бы выходить на любые словесные конфликты. И уж тем более, после сегодняшнего «полета под капельницей». Как-то не слишком способен себя контролировать. Голова – не моя какая-то. Что-то подтормаживать начинаю. А он перед обедом будет ждать... Проклятье, взбодриться бы как-нибудь покруче, чем чайком. Спасибо, конечно, ребята, но ароматного бы кофейку-у!.. Так и почувствовал желание, подобно Морозке, растянуть последнее «у-у» в тоскливом вое...

По ощущениям, долго я добирался до сестринской. Или только показалось?

– Надежда Михайловна! там капельницу бы перезарядить, – эка словцо-то нашел, что удивился сам. – У нас в палате...

– Да-да, у Беглицкого... Помню... Иду... – Сестра задвинула ящичек с расфасованными по коробочкам таблетками в стол, заперла его и, выйдя в коридор, дверь за собой задраила и вовсе наглухо: хитросделанным ключом, да плюс тугой засов с пружинной блокировкой... Это правильно... Молодец... Народец тут всякий...

«Ну что же, они – люди как люди...» – можно только примазаться к цитате. В любые времена они могут вполне уравновешенно и удовлетворенно жить совершенно в различных условиях, независимо от социального устройства. Но, был бы социум, а повод найдется!.. И вот за каким-либо новоявленным вождем подхватываются и несутся во всеокрушающем порыве, уничтожая приевшееся благополучное прошлое, которое всегда можно умело высветить с другой стороны. Вперед!.. Где перед? – Бог весть. Да и ладно... Перемен!.. Родные мои, кто сказал, что перемены бывают лишь к лучшему?!..

А когда спадает эйфория, и бросают вас лидеры временщики, приходят переосмысление жизненных целей, крушение идеалов и авторитетов, утрачивается смысл жизни...

И вот мы все здесь, ребяташки, сидим на жердочке, и зримая реальность для многих существенно радостней экономической и политической нестабильности «за бортом», где царят обнищание и безнадега, толкающие самых незащищенных к суициду или в психи... И в какой же реальности существует наше время, когда мы – на коне и можем дышать полной грудью?.. Да обрушатся стены! Растворятся, и...

Все те же... Хотя, вероятно, прошел и не один год. А что, собственно, изменчиво в мире? Всю полноту людского бытия свободно втиснем в дюжину сюжетов. Есть лидер, трое – этого вполне достаточно, чтоб многое сказать... Найдутся ли желающие слушать?.. Кто хочет поддержать, берись за меч! Кто станет на пути, уснет навеки...

Тимур:

**Товарищи! Друзья! Пришла пора
Когда всю удаль рейдов бесшабашных,
Взрастившую в нас опытных бойцов,
Скрепившую нас кровью и добычей,
Мы воплотим в великие дела...
Уж не живем с протянутой рукою,
Не ждем объедков с княжеских столов,
Изжили страх и укрепили силу,
И все, что пожелаем, можем взять...**

1-й:

– Все, да не все – я мог бы взять и больше.

3-й:

– А я вполне доволен тем, что есть.

2-й:

– Хвала судьбе, что нас свела с Тимуром —
С таким вождем нигде не пропадешь!

1-й:

– Кто спорит?! Дай ему договорить.
И пусть поставит ясные задачи...

2-й:

– Он все продумал – вижу по глазам...

3-й:

– Кончайте треп!..

Тимур:

– Пока на землях наших
Чужие копыта подпирают власть,
И все ее поборы да налоги,
Минуя нас, уходят в никуда.
Страна нищает!.. Где же справедливость?!

2-й:

– Где справедливость?

Тимур:

– В силе и уме.

Все беды Джагатайского улуса
В отсутствии разумной головы,
Поддержанной равнодушным сердцем!
Горька земля, где за полсотни лет
Переменилось два десятка ханов
В тупой братоубийственной борьбе!
И не нашлось во всем Могулистане,
Кто б мог собрать под сильною рукой
Истерзанные земли наших предков...
У одиночек вечно тьма врагов,
И нет друзей, кто мог бы стать опорой.
Но если ты в бою не одинок,
А рядом – друг, и не ударят в спину,
Подобно пальцам, собранным в кулак,
Вы сокрушите каменную стену
Превосходящих численно врагов
И сможете возвыситься по праву...
Но тут не будем забегать вперед...

1-й:

– Да, на словах, пока довольно складно...

Тимур:

– А что мешает к делу перейти?!

Мы ханской власти воинскую службу
Должны, не слишком долго, отслужить
И постепенно оттеснить монголов.
Притом, себя не надо обделять —
Назначим дополнительную плату
Для тех, кого возьмемся охранять
От злых людей.

3-й:

– Хо-хо, вот это мило!

2-й:

– Вот голова!..

1-й:

– А что, нормальный план...

Берешь себе, а недовольны – ханом.

Тимур:

– Обогащение – не самоцель.

**Анархия плодит грабеж с разбоем.
(Как не украсть, когда закона нет?!..)
Где сеют смерть мятежные эмиры,
Мертвы и караванные пути.
А Туркестан от этого в убытке
(Раз петухи без золотых яиц)...**

1-й:

**– Свои, сусальным золотом украсив,
Пожертвуем, когда припрет нужда?**

2-й:

– Нам это записать или запомнить?

1-й:

– Да ладно, уж нельзя и пошутить...

Тимур:

**– А чтобы и оседлый, и кочевник
Могли иметь привычный им уклад,
Не опасаясь подлого разора,
Чтобы купцы на Шелковом пути
Спокойно себя чувствовать могли
И отделяли пеню за услуги,
Пора порядок твердый навести.
И, думаю, что это нам по силам.
Нам лишь начать!
Ну что, согласны вы?**

2-й:

**– К чему вопросы!? Лишь одно добавлю:
У тюрков ум похож на их глаза —
Он так же узок. Если их насытить
И усладить сердца, пусть не любви,
Но преданности ты добиться сможешь.
Гулямы служат щедрому вождю —
И тем охотней, чем добыча больше.
И с порученьем справятся любым,
Не рассуждая и не обсуждая.**

Тимур:

**– Тогда пора. Нас ждет Тоглук Тэмур,
Чтоб поскорее записать на службу.
Боюсь, его сынок, Ильяс Ходжа,
Возглавит сам войска в Мавераннахре.
И, кажется мне, он не так то прост...
Опередим, а там лишь шаг до власти.
И вот, полмира – наши!..**

3-й:

– Нет, весь мир!

2-й:

– Кого привлечь?

1-й:

– Охотники найдутся

Всегда, коль честно отделять их часть.

Тимур:

– Да, по дороге завернем к Хуссейну.

Быть может, он проявит интерес

И, взяв своих людей, войдет к нам в долю...

2-й:

– Войти войдет, но слишком он лукав...

Тимур:

– Рискнем.

3-й:

– Ну что ж, дрожи, рвачи-эмиры,

Там, где командует эмир Тимур!..

.....

Ничего не изменилось в палате. Те же и они же заканчивают чаепитие. Надежда, прихватив опустевший флакон из-под раствора, спешит к выходу и встречает в дверном проеме.

– Все в порядке, Мурат Георгиевич? Как себя чувствуете после процедуры?

Да, миленькое словечко. Что-то в нем есть от обтирания утренней физзарядки...

– Спасибо, все нормально. Вот только засыпаю на ходу...

– Нет-нет, до обеда не надо, пока неясно, как там с обходом... – фея выпорхнула за дверь.

– Что такой взмокший, Мурат? Видок, действительно, будто кто гнался... Может, еще полкружечки?.. – Глаза у Володи внимательные, с проблесками сочувствия. – Отдышись, посиди спокойно, пока никто не дергает. А лучше, по коечке спину распредели. Позвоночник – штука хрупкая, – беречь надо...

– Угадали, позвоночник – больное место. Повредил по молодости, сорвавшись с водопада.

– Вот тебе и раз! – тут же встречается Морозко. – Уж не из наших ли геологических? Вот уж кого-кого подносит народу на блюдечке геология, так это деятелей культуры. Только с моего факультета знаю и поэтов, и актеров, и режиссеров, и бардов...

– Окоротись, мемуарист, – прищуривается Смирнов. – Нечего похвастаться знакомствами с великими...

– Да нет, не геолог я, химик по образованию. Но уж потом, после университета, расширил образование в сфере естественных наук, «бичую» по широкой стране моей родной. То с вулканологами на Камчатке, то с гидрологами на Северном Урале, то с мелиораторами на Кольском...

– Где?! – у Валеры голос сорвался в сипение. – На Кольском? Мелиорация?.. Это по скальным-то породам да ледниковым валунникам?

– О, голос специалиста. Успокойтесь, Валерий, мелиорация – только звучный предлог для проведения комплексной съемки. А все остальное – действительно, ваша вотчина.

– И за каким тебя-то так носило? Или химичил при лаборатории, по специальности?

– Нет, все по-честному, с ломом-лопатой по канавам да шурфам.

– Ну, ты даешь, писатель...

– Да и правильно, – вернул слово и Вадим. – Где еще набираться жизненного материала? Я угадал?

– Абсолютно верно. Чтобы писать, совершенно не обязателен литфак. Но необходимы осознанное желание и достаточная воля, чтобы заставлять себя работать на самообразование. Да плюс возможность перемещений и общений... Впрочем, повторюсь, писателя, в известном смысле, из меня так и не вышло.

– Да разве важно, что из кого не вышло!? – в голосе Володи зазвучали нотки болезненной темы. – Если хоть что-то путевое получилось, – это уже, можно считать состоявшейся судьбой...

– А, простите, Володя! Вы-то каким боком здесь оказались? Адекватный, трезвомыслящий...

– А нас уже на списание? – хмыкнул Морозко. – Полные придурки?

– Ради Бога, не обижайтесь! Здесь, я вижу, вообще подобралась компания, не вписывающаяся в представления о...

– О психах? Так какие же мы психи, в самом деле, если находимся в привилегированном положении, в основном по знакомству?!

– Восхитительно, друзья мои, но как-то я, честно говоря, не особенно рвался в эти стены. Хотя, да, согласился на обследование из-за беспокойства родных...

Молчание надолго срезало тему под корень, и каждый нарочито занялся каким-либо своим делом. Володя, собрав грязную посуду, отправился приводить ее в порядок. Валера стал разбирать сумку и складывать в пакет белье и причиндалы для вождельного послеобеденного купания. А воплотившаяся из эфира Наденька отключила от капельницы «мосье Беглицкого» и вновь растворилась в несколько приторном аромате собственных духов. Тут же на смену ей прибыли санитарки Мила и Лана и буквально за минуту восстановили в палате «шик-блеск», протерев полы, тумбочки и удалив с глаз стойку для капельниц.

Вадим подсел на соседнюю койку. Удерживая обеими руками в длинных гибких пальцах кружку, сделал несколько коротких глотков (уважили, не обделили таки, молодцы) и заговорил... Заговорил негромко, с хрипотцой, уставив глаза в оконное стекло, за которым металась меж дождевых капель оборванные разноцветные листья...

II

Они не понимают... Никому это не надо. Каждый проживает свою жизнь, и, дай Бог, хоть с ней, одной-то, разобраться. Да и с какой, собственно? С той, что позади, или с той, что еще осталась...

Сколько бы ни осталось

Кто сегодня опознает простого парнишку, явившегося в город за своими «университетами»? Нет, в ломоносовы не рвался, но вполне заинтересованно осваивал биофак универа. Преодолев множественные искушения общаги, вполне достойно подошел к выпуску, после которого не поторопился учительствовать в родную Дроздовку, а остался при кафедре. В перспективе вполне могла светить и аспирантура.

А для начала, весь молодой задор был целенаправленно брошен на полевые работы для сбора фактического материала к диссертации доцента Голодкова. Воистину, сказочное было время! Совершенно безмятежно-«безбашенное». Кочевки по знойным Сальским степям и Калмыкии с биохимическим и геоботаническим опробованием под рев и дребезжание расхлябанного «Урала» с коляской. Горячий ветер, тонким наждаком нажигающий загар и дубящий кожу. Сказочные моменты внезапной встречи с обводненным, пусть и донельзя заилненным, ирригационным каналом. Вынырнешь из него – жить хочется. И уже минут через пять отряхнешь с обсохшего тела соляно-суглинистую корку, и опять – в седло! – навстречу безграничному простору, где на сто верст в округе встретишь, в лучшем случае, одну-две отары с суровыми, выжженными дочерна, конными пастухами. А ночевки под открытым небом?!.. И луна! Луница, огромная и красноликая, выкарабкивающаяся из-за горизонта, отдуваясь и отфыркиваясь едва ощутимыми беззвучными ветерками.

Сколько времени ни пройдет, не забудется ни дня из того светлого периода. И не повторится из него ничего. Уже никогда...

Осенний военкомат не был особенно многословен и ласков, в один момент переведя стрелки в противоположном направлении. С Юго-Востока приходилось срочно переориентироваться на Запад. Но ГСВГ было вполне благопристойным местом для «двухгодичника» после военной кафедры. Во всяком случае, это был далеко не Афган, куда перебросили из Германии «кадровиков», коих и предстояло заменить «послеинститутской зелени».

И вновь надо было доказывать, может быть, в первую очередь даже самому себе, что чего-то стоишь. Доказывать ухмыляющимся новообретенным сослуживцам, что и «пиджак» способен без напряжения справляться и с техникой разных мастей, и на стрельбах творить чудеса. Но, видимо, даже в самом что ни на есть распоследнем «ботанике», где-то в глубине, неистребимо жив вечный воин, способный воедино слиться с любым оружием и пролить при необходимости кровь (и не только свою). А уж если попал в разведку, тем более обострятся в тебе все заложенные генетически чувства первобытного охотника, которые терпеливый всегда отточит до совершенства при наличии достаточного количества времени. А времени этого было в избытке...

На разведку ГСВГ возлагались «ответственные задачи слежения за противостоящей группировкой войск НАТО», что выражалось в постоянном «совершенствовании и поддержании боевой готовности подразделений специального назначения для ведения разведки и проведения спец мероприятий в тылу противника в случае развязывания войны». В переводе на человеческую речь это означало бесконечную череду учений всех мастей, выматывающих душу тупостью беспрекословных исполнений и впустую высасывающих силы физические и психические непредсказуемостью раболепствующей показухи перед начальством.

И после всех занятий на выживание единственным способом расслабления и снятия звенящего до дрожи в жилах зажима был «большой выход в свет» с методичным обследованием каждого встречного гаштета. В лучшем случае, такая расслабуха заканчивалась полной потерей памяти и автопилотом до места расположения, в худшем, бывало, случались кровопролития местного масштаба с умелым пресечением противодействий полиции. Куда им до разведки!.. И снова – тренировки и тактико-технические занятия с личным составом в постоянном ожидании тревоги к очередным учениям. И уже хорошо, что к учениям, потому как не прекращалось нагнетание истерии возможного реального конфликта.

Как знать, чем могло бы обернуться столь активное совершенствование личности, если бы не женитьба и рождение дочери. Вот когда пришло ощущение реальной ответственности за ближних, за близких своих... И другими глазами можно было смотреть и на ДОСовскую комнатушку и на календарь... И заслуженно гордиться состоянием истинной мужественности в полном ее объеме, схожем с самоощущением опытного матерого вожака. Но и узнать впервые тревожное чувство нестабильной неопределенности будущего, когда с возвратом в Союз должны были встать новые, и многочисленные, проблемы...

И опять – с нуля?!..

Справедливо говорят, что все счастье трудных дорог ощущаешь, когда они позади.

Перестройка в жизнь гражданскую наложилась на перестройку горбачевскую. Хотя, черт знает, может и наоборот. Но не суть в порядке прослоек пирога, а в том, что забрезжили проблески надежд и оживление в ожидании перемен. А это самое ожидание, накапливавшееся годами, еще находилось во взвешенном состоянии неопределенности и недоумения. Ясно было, что «дальше так нельзя», но как можно, как нужно – не выкристаллизовалось еще ни в одной трезвомыслящей голове. Но, может, и случилось бы, родилось в неспешных разумных расчетах и народных консультациях, да рванул Чернобыль, и дальнейшее направление движения вновь подчинилось указующему персту.

Вперед в Апокалипсис!..

Не успело семейство Бegliцких акклиматизироваться и обустроиться, определившись с работой и решив наспех вопрос с жильем, а недреманое око военкомата уже нацелилось, и труба протрубила сбор. До сих пор неясно, не была ли то труба третьего Ангела...

Совершенно бесполезно было ссылаться на то, что уже честно исполнил долг перед Родиной и только что вернулся с этого почетного служения.

Родина в опасности, и вновь призывает!..

Отношения к химразведке никогда не имел? Никто не имел. И не только к хим... но и просто разведке... А ты – разведчик! И этим уже столько сказано... Ну, каркни, каркни пред сладкоголосой лисицей!.. И как-то невозможно было тогда вильнуть в «уклонисты». Было еще в голове и сердце иррациональное чувство Отечества. Были понятны и чувство долга, и во имя чего... Да и подключение материальных стимулов как-то укрепляло и самоощущение и состояние дел семейных. Мог ли кто заподозрить хотя бы намек на обман!?!.. Кроме, разумеется, срочников, которым и обещано ничего не было.

И понеслось-поехало: зоны тридцатикилометровая, десятикилометровая, особая – со всеми этими радиометриями, дозиметриями и дезактивациями. Какая к хренам собачьим разведка! Чего разведывать, когда вся округа поражена не по-детски!? Это потом когда-нибудь, подхлестнутая радиацией, дикая природа расцветет во всей красе здесь в отсутствии человека и заполнится звуками жизни: пением птиц, стрекотом-гудением-жужжанием насекомых... А пока весь мир сливался в единую настороженность, когда большинство посторонних звуков не достигали органов чувств через ОЗК и противогазы. Да и сам слух твой отсеивает из действительности все, кроме треска-писка ДП-5В. А простым-то ухом поди улови эту радиацию, почувствуй, сколько смертельного облучения впитал: допустимые ли еще миллибэры, или запредельные, подкатывающие к годовым нормам за раз. И не забывай при этом

о своей ответственности за этих зеленых салажат, которых пихнули под твое начало. Всякими правдами и неправдами умудряйся отбиться от idiotских распоряжений по замене верхних слоев грунта вручную с перепахиванием лопатами дни напролет в любую погоду. И это при том, что одной механизированной лопатой запросто выполнялась работа за целый батальон. Но думали ли об этом те, которые в тридцатикилометровую зону аварии Чернобыльской АЭС почти и не въезжали?! А если и въезжали, то на часок-другой, чтобы, не покидая автомобиля, немедленно вернуться в штаб с донесениями и принять деятельное участие в распределении наград. А что, премии можно было выхлопотать вполне приличные, вплоть до государственных. А тут еще и выслуга лет шла тройная, и оклады в пять раз превышали обычные. Так при такой лафе как не пообретаться комсоставу определенного ранга, как не поупражнять солдатиков-то?! А периодически, вместо отдыха, организовывать полоскание мозгов на темы соблюдения воинской дисциплины и своеобразные политзанятия по профилактике и борьбе с явлениями пьянства и мародерства. И политруков уважить надо, куда же без них!.. И тебе, вне этого маразма, надо самостоятельно, с трудом, доставать, хотя бы уж технический с примесями масла, спирт, памятуя о школах выживания разведчика, из которых накрепко усвоил, что спирт – первейшее средство восстановления защитных свойств организма после радиоактивного облучения.

А эти... Эти просто боялись не справиться с подчиненными «в состоянии опьянения». Что понимают они в опьянении!? Да самое страшное опьянение – это опьянение состоянием хронической напряженности и тревоги! И алкоголь в таких ситуациях оказывал магическое отрезвляющее воздействие, возвращая мозг к возможности думать, а душу – к способности чувствовать... И то ли благодаря подобной народной профилактике, то ли Бог берег все таки, людей своих удалось сохранить. Лишь двоих наших за все время выдернули из строя в беспаятстве и с кровавым поносом. У остальных катастрофической симптоматики не выявлялось.

Впрочем, всякие «симптомо-ощущения» обрушились уже через полгода после возвращения к семье. Головные боли, периодическая ломота по всему телу, скачки давления... И мужская несостоятельность в придачу... По счастью, последняя, в большей степени, имела психогенный характер усталости и износа. И все это удалось превозмочь... Так что под дочкину опеку заботливой няньки попал через полтора года долгожданный пацан...

Лишь раз нюхнувший искушения, на всю жизнь обречен тщетно бороться с его манящим запахом, застрявшим в глубинах памяти. Так и жена, Марина, намаявшись с проблемами родного «совка», в конечном итоге взвилась и потребовала возврата к благам заграничной жизни. А какой, на хрен, возврат, когда уже не исход, а изгнание катит волну с Запада, круша все, что было создано «оккупационным режимом» за многие годы. И мудрые головы, под шум волны, растаскивают по закромам технику без числа да распродают вооружение «заинтересованным лицам», чтобы заложить прочный фундамент собственного благосостояния на «ничейной земле», совсем еще недавно бывшей для многих родной и народной. Тем более, в масть все эти послабления, дающие зеленый свет всяческому предпринимательству и вмиг легализующие все то, что вчера еще было постыдным и подсудным. И кто сегодня сомневается в праведности «курса партии и правительства», завтра будет кусать локти, потому что уже опоздает...

Вступать в девяностые приходилось с боем. Каждый стремился укрепиться индивидуально и тщательно охранял ту нишку, которую удавалось захватить. А если, не дай Бог, на твоём направлении кто-то нащупывал «золотую жилу», то тут уже надо было бороться и за «жилу» и за жизнь.

Законтачив на каких-то околвоенкоматных орбитах, группа бывших офицеров, молодых амбициозных и зубастых, надумала завести общее дело, чтобы на основах взаимовыручки пробиться на лакомом во все времена рынке топлива и нефтянки. Сложив совместно изначальные капиталы, «выходцы из германцев» Вадим Беглицкий, Александр Фельдман и Евгений

Белобородько в триумвирате составили костяк ООО «Альдебаран» и рьяно взялись за покорение рынка. Благо, рынок в то время был наиболее нищ и тощ, а ГСМ и вовсе позволяли расти необычайными темпами ввиду чрезвычайной потребительской нужды и острейшей дефицитности. Главное, сумей пробиться к основному поставщику (в идеале – к производителю) с цистернами да бензовозами и сопроводи потом груз, при необходимости отстреливаясь, до потребителя. А потребитель – очереди стояли! Что по родной области – от мельчайших заправок до АТП и колхозов; что на ближнем (и даже очень) украинском зарубежье. И потребитель этот брал, брал, брал, и требовал еще...

Мало-помалу и свои автозаправки появились и нефтехранилища... А первоначально же приходилось даже в аренду машины-то брать... Постепенно подтягивались к делу свои люди. То Санька с Серегой – из университетских, то Володька-афганец, то какие-то канцелярско-бюрократические ловчицы из фельдмановских. «Причесыванием» бухгалтерии занималась Людмила, жена Фельдмана, контролирующая работу нескольких образованных девушек из родственников. А непрестанно используемое в России умелое жонглирование мертвыми душами, позволяло добиться налоговых льгот на фиктивный труд инвалидов, которым, впрочем, отслонили одновременно по какой-то копеечке. Совсем чуть-чуть...

Всякие революционные и псевдоревolutionные изменения, бурлившие в столице, оставались где-то далеко за сферами провинциального бытия. Тем более, не было смысла рвать душу из-за всех этих очевидных смен вывесок, так часто практикуемых у нас, чтобы сбить с толку простых обывателей из населения. Реально повлиять на развитие событий, конечно, было можно. Но для этого нужно было собрать людей, безразличных к судьбе Союза, и вести напрямую на Москву, принимая заранее на себя всю полноту ответственности за развязывание гражданской войны. У дернувшихся было в этом направлении «путчистов» пороку не хватило. Самые же безразличные предпочли предательству добровольный уход из жизни.

Всегда нам не хватает абсолютной уверенности в своей правоте, когда дело касается активного отстаивания своих жизненных интересов. Всегда хранится в уголке русского сердца надежда на благую разумность и справедливость «царя батюшки», без которого и Россия-то не будет Россией, а так, территорией вне разума и сердца. Кто из нас и когда мог изначально предполагать в наших же (!) власть предержащих отцах правителях коварное предательство народа, прикрываемое старательно очередными вечно справедливыми лозунгами и сладкоголовыми обещаниями?! Потому и обходится страна десятилетиями без протестных акций с преобладанием пустого сотрясения воздуха в бесконечных говорильнях, наполненных яростной критикой, но лишенных конструктивных предложений. Трезвомыслящие в подобных ситуациях предпочтут употребить время своей жизни не на митинги, а на самосовершенствование и развитие своего дела...

И развитие было интенсивным и ощутимым: и зримым, и осязаемым.

Вот и своим транспортом обзавелись. Сначала – кто чем Вазовским (впряглись как-то в проекты перегонщиков), потом – основательными «японками» да «немками». И радиотелефоны при машинах не были пустой роскошью, но необходимыми средствами оперативного ведения дел. А согреваемая под мышкой «пушка», если и извлекалась, то отнюдь не для дешевых «понтов», а как последний адекватный ответный аргумент.

Под навалившимся изобилием жизненных благ повеселела жена и, наплевав на любые никчемные трудовые подвиги, всецело занялась хозяйством и собой. Квартиры, дача, машины (вторая, похуже – для поездок за город) ну и дети же – все требовало времени.

Сам Вадим появлялся дома лишь урывками и крайне ненадолго. А жизнь вокруг становилась все привлекательней с блеском огней, витрин, глянца и драгоценностей.

Воистину, с райского яблочка искушение лишь начинается, чтобы расти дальше снежным комом.

Да, брат Беглицкий, что-то ты подухом с этой всей безумной кутерьмой. Желудок стал совсем ни к черту да плюс обострения всех «чернобыльских отрывков». И ведь не остановишься! Дальше – больше и больше засасывала гонка золотой лихорадки, накапливая в каждой клеточке запредельную усталость. И не соскочить на ходу! И не подвести общего дела! и не изменить слову, данному товарищам...

А Фельдман смог. И никто не заметил, как это произошло. Но вот ему уже совсем не до сопроводительных рейдов – куча дел в Администрации города и области, заключение все новых договоров с заказчиками, да и вообще груз ответственности за всю организационную работу... Молодец, конечно, слов нет – никто другой так не справился бы. Везде – нужные знакомства, свои люди, родственники, родственники родственников.

И все благожелательны к славному мальчику Саше. И все передают привет его маме (как она там?). И все спешат помочь и приобщиться к укреплению бизнеса. Но вот, Сашенька уже и «великий кормчий». И позволяет себе откровенно хамские выходки по отношению к «товарищам по оружию». Но как-то умело гасит вполне обоснованные претензии, тут же демонстрируя утрированную заботу обо всех и каждом из работников предприятия...

С какого-то перепугу, однажды он свел Вадима с некими цепкими сохнутовцами, которые долго водили вокруг него хороводы с полунамеками и полуприседаниями, то выпрашивая, то неприкрыто агитируя. Но цепкая память не позволяла изменить семейному преданию о неких «беглых» в казаки в период смутного времени или даже при царе Иоанне... А что касается странно звучащего отчества, то не приписывать же ответственность сионистскому движению ни за революцию, ни за Ленина, произведших совместно имя Эрлен.

Увы, при обманчивом ощущении активного взлета, умиротворяющего чувства стабильности как не было, так и не сложилось за все пять лет «бензинового королевания».

И когда «шустрых мальчиков» надумали подмять административные тузы, скооперировавшиеся с высокими чинами бывших вояк и силовиков, дольше всех сопротивление оказывал наивный Беглицкий. Фельдман, быстренько разобравшись с возможностями переправки финансовых активов, махнул серебряным крылом в направлении Канады, оставив залогом верности Родине жену с ребенком. Белобородько устроили щедрые отступные плюс какой-то руководящий пост средней руки. А придурок Вадик все гнал бензовозы колхозам, выполняя обязательства и стараясь ликвидировать задолженности. Потом пытался выбить долги по непроплаченным поставкам... Пытался отбить оплаченный, но перехваченный товар... Пытался расплатиться за выполненную работу с сотрудниками и хоть как-то обустроить их, преданных всеми, кроме него... Все пытался, пытался, пытался...

Жена Марина ощутила мистический и непреодолимый зов неведомой до недавних пор крови как-то внезапно. (Низкий поклон фельдмановским эмиссарам-агитаторам, около недели квартировавшим у Беглицких.) Вадим не успел ни осознать, ни опомниться, как нанятые на его же деньги ловкие адвокаты освободили его от большей части лишнего имущества, а супругу – от него самого. И подхватив в охапку детвору, она отбыла на «землю обетованную», слабо представляя себе образ жизни в кибуце.

– Ну ладно, многовековое и многострадальное твое крестьянское прошлое у тебя на лбу написано. Но дети-то причем?! – боролся Вадик до последнего. Но тринадцатилетняя Алена изначально стояла на стороне матери, и лишь угрюмо огрызалась на все отцовские поползновения. А мелкого Гошку никто и спрашивать не думал. Удалось лишь на прощанье, под прищелком какого-то безвестного господинчика, ненадолго сграбастать сына в объятия да подсунуть на память книгу, кажется, Богомолова. – Помни, сынок, и твой отец был разведчиком и боевым специалистом, а не просто так...

И обрушившийся за этим катастрофический запой, каких никогда и в помине не было, стер и память, и боль, и усталость, выбив из седла напрочь... Окончательное разложение биз-

нес-трупа и растаскивание его всяческими стервятниками происходило уже где-то вне и за всякими пределами.

– Знаешь, писатель, за последний год у меня уже столько было неиспользованных шансов подохнуть, что можно и не пытаться считать. Вплоть до этого... – Беглицкий извлек из нагрудного кармана патрон от «макарова» с явной насечкой на капсюле. – Осечка заставила задуматься и остановила бессмысленную гонку за смертью.

И тогда в жизнь вошла Илона...

... – Доктор Моткульский ожидает вас, Романов. Мурат Георгиевич, вы слышите?..

...И опять же то же, те же, так же... Но тогда же ли?

Нет, на несколько лет позже. Процесс развивается...

Тимур:

**– В Мавераннахре и Могулистане
Уже монголы уступили власть,
И мусульманский мир вздохнет свободней.
Одно печалит, что эмир Хуссейн
Не удовлетворен, что правит в Балхе,
И смотрит с завистью на Шахрисябз.**

1-й:

**– Все началось еще от Самарканда,
Когда бежал от вас Ильяс-Ходжа.
Тогда, припомнив деда, Казагана,
Впервые заявил эмир Хуссейн,
Что все решается происхождением.
И, «так как не ровня ему Тимур,
То править будет он единолично»**

2-й:

**– И хоть почетно правой быть рукой,
Обидно нам за нашего эмира.**

3-й:

**– А почему он отозвал войска,
Когда в кровавой бойне под Чиназом,
Казалось бы, уже мы взяли верх?!
Но, без подмоги, потеряли многих
Товарищей и проиграли бой.
Не поступает так военачальник!**

Тимур:

**– Да, если бы тогда Ильяс-Ходжа
Взял Самарканд, нам было б очень плохо...
Он отступил от мора лошадей,
А вовсе не от действий сербедаров,
Как раструбили позже.**

1-й:

– А Хуссейн

Простых вояк подверг тройным поборам,
Нам всем припомнив прежние долги!

2-й:

– И трижды слава нашему Тимуру,
Отдавшему свою казну за нас!

Тимур:

– Да ладно вам!..

3-й:

– Нет, от души – спасибо!
Не каждый так способен поступить...

Тимур:

– Альджой Туркан-ага, сестра Хуссейна,
Жена моя послала брату в дар
Скота и драгоценную посуду.
Добавил я верблюдов и коней
И написал в письме, что между нами,
Как братьями, не может быть вражды...
Дары он взял.
Хоть и признал меж ними
И драгоценности моей жены.
И не вернул...
Но в злобе затаенной
Стал случая искать меня убить.
И даже оболгал сестру родную,
Подложные ей письма приписав.
Бедняжка, отравилась от позора...
На том прервалась родственная связь,
Хоть не держал я камня за душою!
Как писано: «Рай приготовлен тем,
Кто укрощает гнев, прощая людям.
Того Бог любит, кто благотворит»...

2-й:

– Чем нам облегчить тяжкую утрату?

1-й:

– Что сделать?.. Боль словами не унять.

Тимур:

– ... Но тщетно я стремился к примиренью —
Не затоптал Хуссейн углей вражды,
И, как ни жаль, меж нами нет единства,
И, еще хуже, что доверья нет.

**Известно всем, я чтил его, как брата.
И вот теперь на сердце тяжело:
Как мог он подстрекать к братоубийству,
Когда Кораном клялся мне в любви
И верности в нелегком общем деле?
Как к неповиновенью призывать
Посмел людей моих, неблагодарный?!**

2-й:

**– Нерасторопный суд теряет смысл...
И безнаказанность плодит лавину
Деяний все преступней и гнусней.**

1-й:

– И мы смолчим?

3-й:

– А чем же мы ответим?

Тимур:

**– Не боль, но грязь в предательстве друзей.
Аллах ему воздаст...
И хватит с этим!
Я в кровь его меча не окуну.
Но в Балхе цитадель мы уничтожим.**

3-й:

**– Понятно все.
Дозволь нам исполнять!
Коли ступаем по пути Пророка,
С такими мы должны вести войну.**

Тимур:

**– Подобно небесам, где Бог – един,
Земле не нужно управленье многих
Господ...**

1-й:

**– Один единый господин
Способен дать земле и людям счастье,
Коль прозорлив и справедлив, и мудр,
И держит всех меж страхом и надеждой...**

Тимур:

**– Мир просто не достоин двух царей!
Так две рогатых головы баранов
Сварить в одном пытается котле
Лишь неразумный... или незаконный.
Под тень мечей поставлен Богом Рай,**

**Когда посмел ослушаться небрежный
И преступил запретную черту!
А с ангельским мечом шутить не стоит,
Он служит только Богу одному.**

2-й:

– Так можем ли не следовать примеру?!

3-й:

**– Не оскорбим беспамятством отцов!
Не оскверним заветов их и веры!**

1-й:

**– Не испугает мрачный день сраженья
Того, кто хочет видеть солнца свет.
Клятвопреступник света не достоин.**

Тимур:

**– Нельзя ни жить, ни править без друзей,
Кто мог бы быть тебе во всем опорой
И крепкою надежною рукой...**

1-й:

– И дружба тоже ценит благодарных.

Тимур:

**– Не дружба то, что надо покупать.
Но каждый получает по заслугам.
Сомнений в этом, я надеюсь, нет?**

1-й:

– Чей меч в ножнах – нет у того порядка.

Тимур:

**– Невысоко взлетит тот, чей кинжал
Пьет слишком редко кровь, врага жалея...
А их еще так много на земле!..**

2-й:

– Я помню, впереди у нас – полмира?

3-й:

**– Не сомневайся в нас, эмир Тимур!
(Трое уходят)**

Тимур:

**– Завоевать полмира – нелегко.
Еще сложнее – удержать полмира**

**В империи своей.
Хороший царь
Лишь тот, кто не проводит праздное время,
Работая на подданных своих,
Которых поручил нам Всемогущий
В залог священный.
Как предстать пред Ним
В день Страшного Суда в спокойном духе,
Коли, схватив края твоих одежд,
Против тебя отмщенья просит бедный?!
Как можно править, если за спиной
Всегда стоит обиженный с кинжалом?
Цветущий луг желанья обрести
Сумеет тот, кто видел дождь кровавый,
Пролившийся из облака войны!..**

**Всем сердцем я желал бы править в мире,
Не убивая!..
Да не суждено...
...**

А этот еще откуда? Совершенно явственный голос за отделением... Невероятно!..

Да нет же, вот она, едва видимая, Тень Имама у стены. Но ни с чем не спутаешь этот пронизывающий взгляд, контролирующий исполнение Воли Божьей на Земле. И как за волшебной дудочкой, следуешь за зовущим Голосом Учителя...

Голос Учителя:

**– Как много в мире встретишь ты людей,
Которых себе чуждыми находишь,
И их принять всем сердцем не готов.
Меж тем, от светло-голубых небес
К ним ангелы почтительно приходят
И райские сокровища дарят...
Как много, представляется порою,
Людей благочестивых на земле,
Рядящихся в священные халаты
Подвижников, знакомых с Божеством.
И не предугадать клейма их бедствий,
Что ждут их после Страшного Суда.
И потому поспешные сужденья
Не стоит ставить выше дел людских.
И лишь в последних видишь человека,
Как на ладони...
И твои дела
Потомкам о тебе поведать могут
Правдивей, чем все льстивые писцы...
Остерегайся злоупотреблений,
Что прикрывают именем твоим.
Но верь советам, что идут от сердца...**

И будешь огражден от многих бед.

...

– Да Романов же!.. Что вы застыли у дверей? Вы к Моткульскому? Заходите, не засыпайте...

Интересно, он всех больных по фамилиям знает, или я чем-то отличился?

Зав отделением своим трехгранным ключом отпер замок и толкнул дверь кабинета, пропуская вперед. Как, интересно, предполагал он зайти другому, без ключа? Моткульский за древним антикварным письменным столом у окна, копался в картотеке, тасуя картонные папки, хранящие, видимо, истории болезней...

Он поднялся навстречу вошедшим, ловко, в одно движение, пододвинув бумаги на свой край, под руку.

– Я на пару минут, Станислав Георгиевич. Что у нас тут? Предварительно и кратко...

– Мурат Георгиевич, присаживайтесь, – широкий жест в сторону «посадочных мест» у противоположного края стола. – Извините нас...

Да ради Бога, граждане начальнички, – выплывает откуда-то из недр памяти литературно-киношная фраза, впрочем не озвучиваясь.

Спины в белых халатах – не слишком занимательное зрелище, но доносящиеся обрывки реплик вполголоса – небезынтересны...

«... Признак болезни – понятие клиническое... явные признаки порой несут гораздо меньшую клиническую информацию и бывают не столь важны, как признаки скрытые... наличие „голосов“... один из признаков... психопатологические симптомы... Да нет, что вы!.. дезадаптивные признаки... сенестопатии... психомоторное возбуждение... чередование с тревогой и тоской... симптомокомплекс в целом положителен... Ну, разберетесь... Пока не меняем...»

Эх, пиши контора... Кто интересно защищаться будет на этом симптомокомплексе?..

– Продолжайте, работайте... Всего доброго, Мурат Георгиевич!..

– Прощайте, Алексей Васильевич!

Котятко хмыкнул, крутанув головой. Дверь щелкнула... Стасик уселся напротив и еще какие-то несколько секунд упорядочивал свои «записки сумасшедшего».

– А что там у нас за синдром Кассандры нарисовался? Развлекаетесь, Мурат Георгиевич? Или что-то мимо меня прошло, и вы забыли чем-то поделиться?..

Ай, молодцы! И кто же это успел «стукнуть»? Не Вадик – точно, он все время на ушах моих провисел. Да какая разница, впрочем?! Конкретизируем для начала...

– Что вы подразумеваете, доктор? Если жизнь Кассандры, то какой именно из эпизодов? Если смерть, то вопрос надо поставить более определенно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.